

ГЕНЗЕЛЬ

бросай на землю не сор, не хлам, а хлебные крошки слов,
пока не скрылись во тьме потсдам, ганновер и дюссельдорф,
пока сестра на октоберфест готовит свою стряпню,
а ведьма пряничный домик ест, не трогая малышню

бросай, вернётся тебе добром, за слово дадут строку,
на ус мотая, в лесу сыром считай, прибавляй ку-ку,
заходишь в лес – попадаешь в вальд, где братья наносят гримм,
иди вперёд, неуёмный скальд, отчаянный пилигрим

пока кружится дунайский вальс и каждый второй – шопен,
пока не требуют аусвайс под песни морских сирен,
пока хула не сожгла дотла – кончается сказка-ложь,
иди, покуда земля кругла, куда ты, дружок, уйдёшь

ДОЖДЬ

жизнь как река, давай же, ныряй, плавни,
рыбу лови в любви или нелюбви,
выживет тот, кто вдоль берегов плывёт, –
так говорит товарищам Хитрый Пётр.

вздор, – добавляет вдруг Насреддин Ходжа, –
тянется поле жизни, где смерть – межа,
поле одно, межа у него одна.
площадь полей важнее, чем их длина.

нет, – рассуждает вслух Уленшпигель Тиль, –
жить – это в лампе масляной жечь фитиль,
трут догорает, свет порождает тьму, –
не возражает больше никто ему.

некто, который не различим впотьмах,
держит часы, струится песок в часах.
слушает некто, чуть наклонясь вперёд.
тучи сгустились. видимо, дождь пойдёт.

СЛОВА И ЧИСЛА

сегодня сыро, я совсем продрог,
налей мне, овен, полный козерог,
зови тельца и выпьем для сутреву,
среди миров, в мерцании светил,
я никогда с созвездием не пил,
давай за деву.

вокруг меня стоят одни слова,
они мне начисляют год за два,
стрелец и лев, держите оборону,
иначе до утра писать свою
галиматью – пока я с вами пью,
меня не тронут.

исхода нет, слова мертвы, увы,
следят глаза с горгоньей головы,
спокойно, не свистите, раки, ибо
пока я здесь не сдох и не воскрес,
не лучше ль, глядя сквозь стекло небес,
молчать как рыбы.

НЕ ГОРЮЙ

хоть налево – теряешь голову
и пиитское плавишь олово,
хоть направо – слова, слова.
говорю – не горюй, убогое,
криворуко-членистоногое,
потому что душа жива,

потому что брести полянами
земляничными, полупьяными,
млечный путь зажимать в горсти.
пусть в грядущее и не веришь, но
мне строку за строкою бережно
в луговые венки плести,

мне кроить, разрезать, отпарывать,
где из меди литое зарево
разливает вино и стыд,
где с глазами, как небо, синими
у витий за худыми спинами
поцелованный сын стоит

ФИЗАЛИС

осень идёт к концу, обернёшься – уже зима
держит в своём прицеле нетопленные дома,
гонит к вселенской скорби от светлой печали.
птица по стрелке компаса мечется, клюв задрал,
куцым умом раскинув, что в стае вожак неправ,
зря простужала горло, беспечно кричала

в воздух колючий важное слово – курлы-курлы.
время раздело рощи, деревья стоят светлы,
только лишь я в саду с плутовством гамадрила
то посмотрю на тучи, наморщив угрюмый лоб,
то со злорадством плону в наметившийся сугроб
в той стороне, в которую ты удалилась.

что ж, улетают все, ну и ты, как всегда, права,
мне б заpastись терпением, силы беречь, дрова,
да оборвать у стен позабытый физалис.
ночь в решето прокурена и, как зима, долга,
тихо кукуют ходики. нехотя кочерга
мучает письма, чтобы скорей разгорались.

ПАМЯТЬ

просыпаюсь над книгою в час ночной
оттого, что во сне кричал,
так волна, удивляясь себе самой,
разбивается о причал,
так будильник, к утру становясь мудрей,
опускает короткий ус.
ничего не боюсь, говорю, ей-ей,
только смерти во сне боюсь.
выхожу со щитом на глухой балкон –
над элладой горит звезда,
недосмотренный конь и троянский сон
выползают за мной туда.
нет, увольте меня от таких щедрот,
говорю, выпуская дым,
на ахейской звезде аполлон плывёт,
я века бы общался с ним.
но пугливый летит по своим делам,
что ему средь небесных сфер
акварельный измученный мандельштам,
корабли, паруса, гомер

ОЛЕ ЛУКОЙЕ

выйдешь на улицу – слякоть, сплошная грязь,
худшей погоды не видывал отродясь,
выпьешь чего-то, желании не противясь,
тут же подумаешь, мысли не пряча впрок,
наша свобода – дурной золотой телок,
чуть подрастёт и попросится сам на привязь.

в этой грязи на себя посмотри всерьёз –
делая ноги, по глине бредёт колосс,
не различая дорог, напрямик по лужам.
думаешь, господи, как же мне всё успеть,
только, пожалуйста, душу не винегреть,
если являешься, делаешь только хуже.

то ли кунсткамера, то ли живой музей,
хоть и скиталец, но явно не одиссей –
напоминаешь себе леопольда блума.
боже, в начале ты выдохнул слово слов,
значит, в конце обязательно дашь число,
правда, число небольшое, пустую сумму:

медный обол и оплату за жэкаха,
стоило ли доводить до греха, ха-ха,
яблоко, змей-искуситель и всё такое.
ночью засмотришься в глухонемую тьму –
мутрно, матерно там одному ему,
горе с тобою мне, оле моё лукойе.

МАГРИБ

а он говорит: «послушай,
поедем в большой магриб,
там птицы – живые души
когда-то погибших рыб,
там золото и алмазы,
там слово, сорвавшись с уст,
едва упадёт – и сразу
стихов вырастает куст».

и тьма за его спиною,
густая сырая тьма,
и в ней чередой сплошною
пустые стоят дома,
никто не живёт в деревне –
в округе мертвым-мертво...
но льются слова из древней
пернатой души его.

ЛУННЫЙ ЦИРК

в глухой тоске осмотришься окрест
и вспомнишь место, лучшее из мест, –
с обратной стороны живой музыки,
вглядишься туда – старинное кино,
где то, что будет, всё ещё темно,
где боль нема и радость безъязыка

смотри, там был уездный городок,
где лошади по мостовой цок-цок,
где пыльных лип развёрнутый пергамент,
там в детском зачарованном саду
меняли на упавшую звезду
бутылочный осколок – лунный камень

на площади стоял заезжий цирк –
верблюды фырк и клоуны кувырк,
прыг-скок с небес лихие акробаты,
а за билет на действо под шатром
расплачивались лунным серебром
и медяками летнего заката

смотри, покуда не вернёт луна
свой встречный взгляд из призрачного сна,
где память коротка, а век недолог,
смотри, смотри, как в небе голубом
заплачет бог и ангела крылом
сверкнёт на миг бутылочный осколок

ОДИССЕЯ

пришёл одиссей у ворот жена
собака корова мул
жена предложила ему вина
он выпил упал уснул

и снится герою в густом дыму
циклоп в дорогом пальто
ты кто говорит полифем ему
герой говорит никто

и видит опять одиссей во сне
калипсо в эстетском ню
да что это снится о боги мне
двенадцатый раз на дню

и вот одиссей открывает глаз
в чертаново у пивной
а там с арсеналом стоит аякс
и шепчет пора домой

ФОНАРЬ

проснёшься ночью, выйдешь неодетый
на свежий воздух с мятой сигаретой,
подпрыгнешь, окунёшься в тайный сад,
где фата исключительно моргана,
где злой телец косит альдебараном,
поскольку стал немного глуховат,
на гончих псов с их неизбежным лаем,
и вдруг услышишь: «мы его теряем,
разряд».

потом стена с люминесцентной лампой,
кровать и простыня с квадратным штампом,
и принесёт бананы и хурму
условный друг. чтоб не смотреть на друга,
глаза закроешь – в этой кали-юге
захочется увидеть одному,
как худенькая девочка неспешно
проходит с фонарём из тьмы крошечной
во тьму.

КЕНТАВР

не привлекался, не состоял, а в школе на «будь готов»
твердил – болгарский курю опал, но буду всегда здоров,
врагов не нажил, забыл друзей, курю молодой бамбук,
седой потрепанный книгочей, давно запутавшийся, ничей
ценитель бесцветных букв

вот так живу – то мусолю плешь, то множу печаль на два,
виноу винительный свой падеж из чистого плутовства,
черна в дурной голове дыра – пожарный рукав пришей,
и пацаны с моего двора да вся советская детвора
в войнушку играют в ней

и всё как будто бы да, но нет, а если и да – не то,
и сам я кто – заурядный дед пихто, полуконь в пальто,
очки надену, пойду посмотреть, как суетный мир живуч –
дома в сугробах стоят на треть, но в уголь ночи вплавляет медь
несмелый, но острый луч

я сам несмел, потому что стар (поэт бы сказал – зане),
безумца спящего аватар, а лягу в кровать, так мне
приснится – в море стоит стена среди ледовитых плит,
на ней написаны имена – гиперборейские письмена,
похожие на санскрит

пустое дело тебе, шуту, разгадывать, что есть что,
под сенью вздорных девиц в цвету ждать Годо ещё лет сто,
покуда ястреб живым пером рисует круги, чудак,
как будто пишет стихи в альбом по-русски чёрным на голубом,
но непостижимо так

К СЛОВАРЯМ

погоди секунду, побудь со мной
промелькнувшей в тёмной воде блесной,
уловись хотя бы негромким словом,
а потом во тьму уходи опять,
в тишину молчать, в глубину сиять,
в плодородный ил, к словарям толковым.

завяжи мне память на узелок,
чтобы вспомнить я ничего не смог,
ожидая блеска в речном затоне.
не храни ни писем, ни снов, ни книг,
здесь не я – мой сумеречный двойник
проникает время/пространство оно.

и в его глазах холодит луна,
и темна вода сквозь него видна.
засыпает сонный тростник, а мышцы
разрезают небо. большой улит
никому во тьму о себе пищит,
но никто в тумане его не слышит.